

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ФАДЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
 tatjanaf@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Анализируется специфика трансформации простых и сложных эпитетов в языке художественных произведений М. Ю. Лермонтова разных лет; изобразительно-выразительные средства свидетельствуют о приоритетном положении эпитета в художественном мире поэта, репрезентируют эволюцию его ментально-лингвальной картины мира и переход от романтической к реалистической традиции. Исследуется роль эпитета в создании эмоциональной, эмоционально-ораторской и реалистической разновидностей художественного стиля.

Ключевые слова: эпитет, художественный стиль, эмоциональность, язык художественного произведения, языковая личность

В художественном языке М. Ю. Лермонтова эпитет играет значительную роль, так как наряду с другими изобразительно-выразительными средствами участвует в создании индивидуально-авторского стиля, придавая ему особую эмоциональность и экспрессию. На эту черту манеры письма поэта указывают многие исследователи: «Слова и конструкции признакового характера занимают в лермонтовском контексте главенствующее положение, украшая имена существительные... обозначающие реалии окружающего мира» [4; 366].

В поэтических и прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова различных лет используются как простые по структуре (*дружба бескорыстная, гость незванный, взор печальный, муза небрежная* и т. д.), так и композитные единицы признакового характера (*дружба нежно-постоянная, полновесистый герой, арфа златострунная, изгнанник самовольный* и др.), художественное своеобразие которых подвергалось кардинальной переработке в процессе смены писателем метода – от романтизма к реализму. В творческой манере письма поэта традиционно выделяются три разновидности художественного стиля: эмоциональный, эмоционально-ораторский и реалистический, в каждом из которых функционирование эпитета имеет свою специфику.

Первый демонстрирует повышенную эмоциональность, особую чувственность и напряженность. Одним из основных средств выразительности языка, участвующих в создании эмоционального стиля, становится эпитет, в художественном пространстве поэта ярко репрезентирующий субъективно-оценочный план: *вечно-памятный привет, огонь гостеприимный, самолюбивые волненья* и т. д. Ранний период творчества М. Ю. Лермонтова, как неоднократно отмечалось исследователями его языка, характеризует-

ся романтической направленностью и отличается отбором языковых средств особой выразительности и эмоциональности: *грозный рок, задумчивая цевница, всесожигающий костер*. Внутренние переживания романтического героя часто становятся у автора источником самых разных эпитетов:

Ревет гроза, дымятся тучи
 Над *темной бездною морской*,
 И хлещут пеною кипучей,
 Толпяся, волны меж собой.
 Вкруг скал *огнистой лентой* вьется
Печальной молнии змея,
 Стихий *тревожный рой* мятется –
 И здесь стою недвижим я [6; Т. 1; 97].

Мятежное начало сил природы, своенравное и сильное, олицетворяет внутреннюю борьбу личности, переживающей «трагическое двоемирие», находящейся в конфликте с окружающим миром. В рамках художественного пространства многие эпитеты демонстрируют метафорическую актуализацию, заслуживающую особого внимания, так как «переносное значение, как правило, является репрезентантом категории эмотивности, характерной для выражения эмоционального состояния говорящего, которое всегда субъективно и неожиданно, всегда изменчиво и непостоянно» [3; 14]. И именно здесь эпитеты позволяют автору раскрыть его индивидуальное видение мира, продемонстрировать личностную систему ценностей. Художественная система поэтических образов романтического периода находит свое отражение и в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова. Так, например, ее отголоски встречаются в повести «Вадим»: «Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! – воскликнул нищий, – и *адская радость* вспыхнула на *бледном лице*» [6; Т. 6; 10].

Включение подобных эпитетных комплексов в речь героев могло бы свидетельствовать просто

об их экзальтированном внутреннем мироощущении, об их своеобразии, употребление же в авторском повествовании становится свидетельством языковых пристрастий самого писателя. В тексте «Вадима» встречаются и другие эмоционально насыщенные изобразительно-выразительные единицы: *взор свинцовый, мысли мрачные и чудесные, сумрачная душа, невинное сердце, мрачный пламень, пробужденный в глазах*, и т. д.

В языке романтических произведений Лермонтова значительное место занимают эпитеты, с одной стороны, определяющие свободолобие и мятежность лирического героя (*простосердечный сын свободы, тоска мятежная, буйная дума, стихия мятежная*), с другой – раскрывающие его глубокое одиночество и страдания (*душа пустынная, душа больная, таинственная печаль, добровольное изгнание, жестокие мученья, сердечная пустота*). Симптоматичным для данного периода является и корпус объектов эпитетации: в подавляющем большинстве они представлены отвлеченной лексикой (свыше 65 %).

На сходство некоторых образов раннего творчества М. Ю. Лермонтова с поэтическими образами других авторов указывали многие исследователи (С. П. Шевырев, В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум). Данная тенденция проявила себя и в области эпитетов: некоторые из них, являющиеся общим местом в языке произведений романтиков, активно используются Лермонтовым. Так, в стихотворения «Покаяние» и «Романс» вводится образ *жизнь скоротечная*, отмечаемый неоднократно в поэтическом пространстве в произведениях П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. П. Сумарокова, В. С. Филимонова и др. Но М. Ю. Лермонтов не просто повторяет тропы и романтические формулы, в своих контекстах он подвергает их трансформациям, актуализируя потенциальные валентности изобразительно-выразительных единиц.

Период 1830-х годов отмечен серьезными изменениями в языке произведений М. Ю. Лермонтова: усиливаются идейная направленность и патетическая исповедальность, лирика изобилует экспрессивными средствами, характерными для новой стилистической категории – эмоционально-ораторского стиля. Этот стиль характеризуется не только повышенной эмоциональностью, но и явной декларативностью, которая репрезентируется оценочным характером эпитетов. Четко выраженная пейоративность многих художественных определений обусловлена негативным восприятием поэтом фактов окружающей действительности.

Ярким образцом эмоционально-ораторского стиля М. Ю. Лермонтова является стихотворение «Смерть Поэта» (1837), в котором наряду с «отточенными афоризмами», «декламационной интонацией» и эмоциональным синтаксисом

знаковой единицей языковой выразительности становится именно эпитет, не только выполняющий свою непосредственную функцию, но и участвующий в развернутом противопоставлении образа погибшего поэта и толпы:

Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? Веселитесь... [7; Т. 2; 84].

Метафорические художественные определения, в изобилии представленные в данном стихотворении, вносят в него эмоциональную напряженность, усиливают обличительный характер. Образы, определяемые эпитетами, могут вступать между собой в сложные синтагматические взаимоотношения. Так, не являясь языковыми синонимами, эпитеты начинают семантически сближаться в рамках поэтического контекста, когда в сопоставительные отношения вступают определяемые ими объекты:

Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок... [7; Т. 2; 84].

Эпитеты принимают активное участие и в создании обличительной антитезы, усиливая контекстуальное противопоставление объектов эпитетации. Так, в антонимические отношения вступают объекты эпитетации символического плана *неги, дружба – свет*, олицетворяющие свободный мир поэта и жизнь светского общества:

Зачем от мирных нег и дружки простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
[7; Т. 2; 85].

Включаясь в структуру более развернутых образов, эпитеты расширяют семантический объем за счет абстрактно-оценочной коннотации:

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей [7; Т. 2; 113].

Декларативность изложения и ораторская интонация подчеркивается анализируемым изобразительно-выразительным средством особенно ярко в тех случаях, когда художественные определения в контексте объединяются в целые группы. Этот прием усиливает эмоциональное воздействие на читателя, и автор, располагая рядом нескольких эпитетов и объектов эпитетации, создает между поэтическими образами художественную связь, одни соединяя между собой, а другие противопоставляя друг другу:

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,

И умер он – с *напрасной жаждой мщенья,*
С *досадой тайною обманутых надежд* [7; Т. 2; 85].

Эпитеты позволяют Лермонтову расставить смысловые акценты в стихотворении, однако перенасыщенность ими художественного текста может придавать языку произведения и излишнюю декоративность.

Постепенно индивидуально-авторский стиль М. Ю. Лермонтова меняется: в нем усиливается тенденция к конкретизации изображаемого и психологической достоверности. Создание реалистической картины мира требует от поэта новых средств художественной выразительности или иного отношения к использованию традиционных. В. В. Виноградов отмечал, что «Лермонтов стремился приспособить русский литературный язык к выражению сложных психических коллизий и раздумий сильной рефлектирующей личности, к передаче ее внутренней исповеди, ее политического протеста и ее общественных стремлений и идеалов, сложных мотивов ее недовольства и ее борьбы с современным обществом» [2; 306]. Итогом лингвистической работы поэта явился стиль предметной точности слов, в котором доминируют простые, сжатые, но при этом яркие образы. «Этот стиль так идеально прост, что мог бы казаться прозаическим, если бы не был так насыщен чувством» [9; 214].

Эпитет в реалистическом стиле М. Ю. Лермонтова изменяет характер и поле своего применения. Например, в стихотворении «Бородино» многие определения, используемые поэтом в воспоминаниях о сражении, являются изобразительно-выразительными единицами без оценочного признака:

И вот нашли *большое* поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса *синие* верхушки —
Французы тут как тут [7; Т. 2; 80].

Да и объектами эпитетации все чаще выступают не отвлеченные лексические единицы, как в раннем периоде творчества, а конкретные имена существительные: *зимние квартиры, чужие мундиры, русские штыки, гора кровавых тел* и др., то есть в языке поэта актуализируется детализация художественного образа.

Отбор языковых средств может предопределяться и выбором особой композиции, в стихотворении «Бородино» реализующейся в форме диалога. «Такое построение данного произведения позволяет не только “внутри текста” представить объективную ценностную позицию Я (близкого автору) и Другого (собеседника, очевидца и участника героических событий); но и ставит читателя в положение, близкое спрашивающему (авторскому Я)» [6]. Создавая достоверное повествование, принадлежащее не поэту,

а старому солдату, Лермонтов использует единицы живой речи, которой чужды торжественные книжные изыски романтического стиля (в этом плане особенно интересным представляется сопоставление со стихотворением «Поле Бородина» [7; Т. 1; 288], где поэт включает явно романтические эпитетные комплексы: *могильная сень, роковая ночь, глас пророчий* и др.). При этом для стихотворения «Бородино» характерна глубокая народная поэтичность и лиризм повествования. В. Г. Белинский писал о нем: «В каждом слове вы слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» [1; 503–504]. В создании этой органичной манеры изложения эпитеты играют важную, а порой и приоритетную роль в изображении картины мира.

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в *земле сырой* [7; Т. 2; 81].

Эмоциональный характер художественные определения могут развивать и за счет их инверсионного употребления – приема, к которому поэт прибегает довольно часто во многих поэтических и прозаических произведениях: *схватки боевые, бивак открытый, дым летучий, бой удалый* и т. п. Реалистический стиль отличается подчеркнутым психологизмом и связью с фольклорными традициями. Эта особенность письма Лермонтова наблюдается не только в данном стихотворении. Так, в «Песне про царя Ивана Васильевича...» [7; Т. 4; 101] в создании сказовой манеры повествования значительное место занимают постоянные эпитеты, являющиеся маркерами языка устного народного творчества: *буйная головушка, солнце красное, тучки синие, брови черные, боярыня белолицая* и т. д. В ткань повествования активно включаются народно-поэтические приемы. Подобная фольклоризация художественного стиля полностью соответствует требованиям реалистического изображения исторического времени и строгим языковым канонам русского эпоса.

Таким образом, многие художественные определения, подвергаясь поэтическому переосмыслению, звучат совершенно иначе в произведениях реалистического плана. Они не только актуализируют свой метафорический потенциал, но и образно представляют описываемый предмет и номинируют его наиболее значимые, по мнению автора, качества, способствуя художественной детализации изображаемого. Обилие художественных определений изобразительного плана в описании природы раскрывает индивидуальность языковой личности поэта: как известно, М. Ю. Лермонтов неплохо рисовал, и этот его талант способствовал более точной вербальной передаче поэтического образа: *лазурно-яркий свод небес, светло-лиловая стена вершин, глава острокопечная Казбека, вершина*

белоснежная. Стремление придать наибольшую реалистичность повествованию, репрезентировать различные нюансы окружающей действительности выражается у автора в создании эпитетов, номинирующих качества, воспринимаемые различными органами чувств, однако самыми частотными изобразительно-выразительными средствами в языке М. Ю. Лермонтова являются зрительные и слуховые (свыше 70 %):

Счастливый, пышный край земли!
Столообразные раины.
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;

Чинар развесистые сени,

Густым венчанные плющом [7; Т. 2; 185].

Соединение зрительных и слуховых образов в одном контексте позволяет поэту создать «эфф-фет присутствия».

Таким образом, анализ языка художественных произведений Лермонтова позволяет говорить об эпитете как стилиобразующей единице, репрезентирующей эволюцию творческого метода поэта. В области эпитета Лермонтов продолжает развивать художественную систему русского литературного языка, заложенную предшественниками, привнося не только традиции народной поэтической образности, но и создавая свои индивидуально-авторские приемы отбора языковых средств для художественного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 4, М.: АН СССР, 1954. 495 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
3. Войлова К. А., Леденева В. В. История русского литературного языка. М.: Дрофа, 2009. С. 364–381.
4. Войлова К. А. Слово *пустынный* как репрезентант производящей основы *пустыня* в языке произведений А. С. Пушкина // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2011. № 3. С. 12–16.
5. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. 568 с.
6. Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/pdf/kiseleva.pdf
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
8. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энциклопедия». М.: Сов. энциклопедия, 1981. 746 с.
9. Фишер В. М. Поэтика Лермонтова // Венюк М. Ю. Лермонтов: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196–236.

Fadeeva T. M., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

FUNCTIONING SPECIFICS OF EPITHETS IN M. YU. LERMONTOV'S LITERARY WORKS

The specifics of simple and complex epithets transformation in the language of M. Yu. Lermontov's literary works of different periods is analyzed in the study. The figurative and expressive means used by the poet indicate the priority position of the epithet in his artistic world, representing the evolution of his mental-lingual picture of the world and the transition from the romantic tradition to the realistic one. The study explores the role of the epithet in the creation of emotional, emotional-oratorical, and realistic varieties of artistic style.

Key words: epithet, artistic style, emotionality, language of literary work, linguistic personality

REFERENCES

1. Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete Collected Works in 13 vol.]. Vol. 4. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1954. 495 p.
2. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 s.
3. Voylova K. A., Ledeneva V. V. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Moscow, Drofa Publ., 2009. P. 364–381.
4. Voylova K. A. Slovo *pustynnyi* kak reprezentant proizvodnyashchey osnovy *pustynya* v yazyke proizvedeniy A. S. Pushkina [Word *Pustynnyi* as Representant of Productive Stem *Pustynya* in the Language of Pushkin's works]. *Vestnik MGOU. Ser. "Russkaya filologiya"*. 2011. № 3. P. 12–16.
5. Gorbachevich K. S., Khablo E. P. *Slovar' epiteto russkogo yazyka* [Dictionary of Russian epithets]. Leningrad, 1979. 568 p.
6. Kiseleva I. A. Rol' sobytii voyny 1812 goda v formirovaniim imperskikh nastroyeniy russkogo obshchestva pervoy trety XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova [The Role of the War of 1812 in Forming Imperial Moods of the Russian Society of the First Third of XIX Century: about Lermontov's Patriotism]. *Elektronnyy zhurnal "Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta"*. 2012. № 4. Available at: http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/pdf/kiseleva.pdf
7. Lermontov M. Yu. *Soch.: V 6 t.* [Works: In 6 Vol.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954–1957.
8. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1981. 746 p.
9. Fisher V. M. Poetics of Lermontov [Poetika Lermontova]. *Venok M. Yu. Lermontovu: Yubileynyy sbornik* [Wreath for Lermontov: Jubilee Collection]. Moscow; Petrograd: Izd. t-va "V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh", 1914. P. 196–236.

Поступила в редакцию 22.01.2013